

I

Благодарный народ

20 августа 1672 года город Гаага, такой оживленный, сияющий и нарядный, словно в нем царит вечный праздник, — город Гаага со своим тенистым парком, огромными деревьями, склоненными над готическими зданиями, с зеркальной поверхностью широких каналов, в которых отражаются почти восточные по стилю купола его колоколен, — 20 августа 1672 года город Гаага — столица семи Соединенных провинций — был заполнен высыпавшими на улицу возбужденными толпами граждан. Они, торопясь и волнуясь, с ножами за поясом, с мушкетами на плечах или с дубинами в руках, пестрым потоком стекались со всех сторон к грозной тюрьме Бюйтенгоф. Там в то время томился по доносу врача Тикелара, за покушение на убийство, Корнель де Витт, брат Яна де Витта, бывшего великого пенсионария Голландии.

Если бы история этой эпохи, и в особенности того года, с середины которого начинается наш рас-

Александр Дюма

сказ, не была неразрывно связана с двумя вышеупомянутыми именами, то несколько последующих пояснительных строк могли бы показаться излишними. Но мы предупреждаем нашего старого друга-читателя, которому на первых страницах всегда обещаем, что он получит удовольствие, по мере наших сил выполняя это обещание, — мы предупреждаем его, что это введение так же необходимо для ясности нашего повествования, как и для понимания того великого политического события, с которым связана эта повесть.

Корнелю, или Корнелиусу де Витту, главному инспектору плотин области, бывшему бургомистру своего родного города Дордрехта и депутату генеральных штатов Голландии, было сорок девять лет, когда голландский народ, разочаровавшись в республиканском образе правления, как его понимал великий пенсионарий Голландии Ян де Витт, проникся страстной любовью к идее штатгальтерства, которое в свое время было особым эдиктом навсегда упразднено в Голландии по настоянию Яна де Витта.

Так как очень редко бывает, чтобы общественное мнение в своей капризной изменчивости не связывало определенного принципа с какой-нибудь личностью, то и в данном случае народ связывал республику с двумя суровыми братьями де Витт, этими римлянами Голландии, непоколебимыми сторонниками умеренной свободы и благосостояния без излишеств. А за идеей штатгальтерства, казалось

Черный тюльпан

народу, стоит, склонив свое суровое, осененное мыслью чело, молодой Вильгельм Оранский, которому современники дали прозвище Молчаливый.

Оба брата де Витт проявляли величайшую осторожность в отношениях с Людовиком XIV, так как они видели рост его влияния на всю Европу, силу же его они почувствовали на самой Голландии, когда столь блестящим успехом закончилась его Рейнская кампания, в три месяца сломившая могущество Соединенных провинций.

Людовик XIV с давних пор был врагом голландцев, и они оскорбляли его или насмехались над ним всеми способами, правда — почти всегда устами находившихся в Голландии французских эмигрантов. Национальное самолюбие голландцев видело в нем современного Митридата, угрожающего их республике.

Народ питал к де Виттам двойную неприязнь. Вызывалась она, с одной стороны, упорной борьбой этих представителей государственной власти с устремлениями всей нации, с другой — естественным разочарованием побежденного народа, надеющегося, что другой вождь сможет спасти его от разорения и позора.

Этим другим вождем, готовым появиться, чтобы дерзновенно начать борьбу с Людовиком XIV, и был Вильгельм, принц Оранский, сын Вильгельма II, внук (через Генриетту Стюарт) Карла I — короля английского, тот молчаливый юноша, тень которого, как мы уже говорили, вырисовывалась за идеей штат-

Александр Дюма

гальтерства. В 1672 году ему было 22 года. Его воспитателем был Ян де Витт, стремившийся сделать из бывшего принца хорошего гражданина. Он-то и лишил его надежды на получение власти своим эдиктом об упразднении штатгальтерства на вечные времена. Но страх перед Людовиком XIV заставил голландцев отказаться от политики великого пенсионария, отменить этот эдикт и восстановить штатгальтерство для Вильгельма Оранского.

Великий пенсионарий преклонился перед волей сограждан; но Корнель де Витт проявил больше упорства и, несмотря на угрозы смертью со стороны оранжистских толп, осаждавших его дома в Дордрехте, отказался подписать восстанавливавший штатгальтерство акт. Только мольбы и рыдания жены заставили его наконец поставить свою подпись под этим актом, но к подписи он прибавил две буквы: V. C. — то есть *vi coactus* — «вынужденный силой».

И только чудом он спасся в этот день от своих врагов.

Что касается Яна де Витта, то и он ничего не выиграл от того, что быстрее и легче склонился перед волей сограждан. Спустя несколько дней после этого события на него было произведено покушение, — пронзенный несколькими ударами кинжала, он все же не умер от ран.

Это не удовлетворило оранжистов. Жизнь обоих братьев была постоянной преградой их замыслам. Они изменили свою тактику и пытались достичь клеветой того, чего не могли выполнить при

Черный тюльпан

помощи кинжала, рассчитывая в любой момент, когда будет нужно, вернуться к первой своей тактике.

Не всегда случается, чтобы для выполнения великого исторического дела появлялся столь же великий деятель. Когда же такое совпадение происходит, история тотчас же отмечает имя такого деятеля, чтобы им могли восхищаться потомки.

Но когда сам черт вмешивается в людские дела, чтобы погубить какого-нибудь человека или целое государство, редко бывает, чтобы у него под рукой не оказалось подлеца, которому достаточно шепнуть на ухо одно слово — и он тотчас же примется за работу. Таким подлецом, в данных обстоятельствах оказавшимся весьма подходящей для черта личностью, явился, как мы уже, кажется, говорили, Тикелар, по профессии врач.

Он заявил, что Корнель де Витт, возмущенный отменой эдикта о штатгальтерстве, что он, впрочем, доказал припиской к своей подписи, и воспламененный ненавистью к Вильгельму Оранскому, подговорил убийцу освободить республику от нового штатгальтера и что этим убийцей является он, Тикелар. Однако при одной лишь мысли о данном ему поручении он почувствовал такое угрызение совести, что предпочел лучше разоблачить преступление, чем его совершить.

Можно себе представить, какое возмущение охватило оранжистов при известии о заговоре. 16 августа 1672 года Корнель был арестован в своем доме, и его подвергли в Бюйтенгофской тюрьме пытке,

чтобы вырвать у него признание в заговоре против Вильгельма.

Но Корнель был не только выдающимся умом, — он был также человеком великого мужества. Он принадлежал к той породе людей, которые преданы своим политическим убеждениям, так как их деды преданы были вере, которые улыбаются под пыткой; и в то время, как его терзали, он декламировал твердым голосом, скандируя размер, первую строфу оды Горация *Yustum et tena sem** — ни в чем не признался и не только измотал палачей, но и поколебал их фанатическую уверенность в своей правоте.

Тем не менее судьи не предъявили Тикелару никакого обвинения, а Корнеля де Витта лишили всех должностей и званий и приговорили к вечному изгнанию из пределов республики.

При первых же слухах о возведенных на брата обвинениях Ян де Витт отказался от своей должности великого пенсионария. А Вильгельм Оранский, стараясь, впрочем, несколько ускорить события, поджидал, чтобы народ, идолом которого он являлся в то время, сложил ему из трупов обоих братьев две ступеньки, необходимые ему для того, чтобы взойти к месту штатгальтера.

Итак, 20 августа 1672 года, как мы уже сказали в начале этой главы, все население города стекалось к Бюйтенгофу, чтобы присутствовать при выходе из тюрьмы Корнеля де Витта, отправлявшегося в изгнание. Всем хотелось увидеть, какие следы оставила

* «Кто, справедливый, стоек в решениях».

Черный тюльпан

пытка на благородном теле этого человека, который так хорошо знал Горация.

Поспешим добавить, что не вся масса, стекавшая к Бюйтенгофу, стремилась туда с безобидной целью присутствовать на необычном зрелище; многие из толпы хотели сыграть при этом активную роль или, вернее, выступить в роли, которая, по их мнению, была раньше плохо сыграна.

Мы имеем в виду роль палача.

Правда, в толпе были также люди, спешившие к зданию тюрьмы с менее враждебными намерениями. Их главным образом интересовало зрелище, столь привлекательное для толпы и льстящее ее самолюбию, зрелище повергнутого в прах человека, который долго и гордо стоял во весь свой рост.

Ведь Корнель де Витт — этот бесстрашный человек — сидел в заключении и был измучен пыткой. Не увидят ли они его бледным, окровавленным, униженным? Разве это не блестящий триумф для буржуазии, еще более завистливой, чем простой народ, триумф, в котором каждый порядочный гражданин Гааги должен был принять участие?

— И к тому же, — говорили оранжистские подстрекатели, ловко рассеявшиеся в толпе с расчетом превратить ее одновременно в острое и тупое орудие, — не подвернется ли случай по пути от Бюйтенгофа до заставы швырнуть грязью, а может быть, даже и камнем в этого гордеца, главного инспектора плотин, который не только дал принцу Оранскому штатгальтерство *vi coactus*, но еще хотел его убить?

А более ярые враги Франции говорили, что надо бы действовать с толком, и если б нашлись в Гааге смелые люди, — они никогда бы не допустили Корнеля де Витта отправиться в изгнание. Ведь он, как только очутится за пределами Голландии, сейчас же снова начнет вместе с Францией плести свои интриги и будет жить со своим негодяем-братом Яном на золото маркиза Лувуа.

Понятно, что при таком настроении люди, жаждущие зрелища, обычно не идут шагом, а бегут. Вот почему жители Гааги стремительно бежали по направлению к Бюйтенгофу.

Среди наиболее торопившихся бежал и Тикелар, полный озлобления и не знающий, что же ему теперь предпринять. У оранжистов он считался олицетворением честности, национальной гордости и христианского милосердия.

Этот благородный негодяй изощрял все свое остроумие и пускал в ход всю силу своего воображения, рассказывая, как Корнель де Витт пытался купить его совесть, какие суммы денег он сулил ему и какие адские махинации строил заблаговременно, чтобы устранить для него, Тикелара, все затруднения при покушении на убийство.

И каждая его фраза жадно воспринималась толпой, вызывала бурные возгласы восторженной любви к Вильгельму Оранскому и слепой ненависти к братьям де Витт.

Толпа готова была проклинать неправедных судей, которые своим приговором давали возможность

Черный тюльпан

скрыться живым и невредимым такому ужасному преступнику, каким был этот негодяй Корнель де Витт.

А подстрекатели тем временем шептали исподтишка:

— Он ускользнет от нас. Он уедет.

Другие добавляли:

— В Схвенингене его поджидает корабль, французский корабль. Тикелар видел его.

— Доблестный Тикелар! Честный Тикелар! — хором кричала толпа.

— А вы не думаете о том, — произнес кто-то, — что вместе с Корнелем сбежит и Ян, такой же предатель, как и его брат?

— И эти два мерзавца будут проедать во Франции наши деньги, деньги за наши корабли, наши арсеналы, наши верфи, проданные Людовику XIV!

— Не дадим им уехать! — воскликнул некий патриот, более ярый, чем прочие.

— К тюрьме! К тюрьме! — завопила толпа.

И под эти возгласы ускорялись шаги горожан, заряжались мушкеты, сверкали бердыши и загорались глаза.

Однако никакого насилия пока еще не было совершено, и кавалерийская цепь, охранявшая доступ к Бюйтенгофу, стояла суровая, непроницаемая, молчаливая и более грозная в своей неподвижности, чем эти возбужденные толпы гаагских буржуа с их криками и угрозами. Отряд стоял неподвижно под зорким взглядом своего командира капитана гаагской кавалерии, который сидел на коне с обнаженной, но опущенной к стремени шпагой.

Этому отряду кавалерии, единственному барьеру, защищавшему тюрьму, пришлось сдерживать не только бушующую, разнузданную толпу народа, но также и отряд гражданской милиции, выстроенный перед тюрьмой для совместного с кавалерией поддержания порядка. Милиция подавала пример смутьянам провокационными выкриками:

— Да здравствует принц Оранский! Долой предателей!

Правда, присутствие капитана Тилли и его кавалеристов несколько сдерживало пыл вооруженных буржуа, но вскоре они разъярились от собственных криков, и, так как им не было понятно, что можно быть храбрыми, не производя шума, они приняли спокойствие кавалеристов за робость и двинулись к тюрьме, увлекая за собой толпу.

Тогда граф Тилли, нахмутив брови и подняв шпагу, один двинулся им навстречу.

— Эй, вы, господа из гражданской милиции, — воскликнул он, — зачем вы тронулись с места и чего вы хотите?

Буржуа замахали мушкетами, продолжая кричать:

— Да здравствует принц Оранский! Смерть предателям!

— Да здравствует принц Оранский, пусть так, — сказал Тилли, — хотя я и предпочитаю веселые лица мрачным. Смерть предателям! Если вам угодно, но при условии, что вы ограничитесь только криками. Кричите сколько вам угодно: «Смерть предателям», —

Черный тюльпан

но выполнить этой угрозы вам не придется. Я поставлен здесь, чтобы этого не допустить, и не допущу. — И затем, повернувшись к своим солдатам, командовал: — Целься!

Солдаты Тилли выполнили команду с невозмутимым спокойствием. И милиция и толпа немедленно отступили назад в некотором смятении, вызвавшем улыбку у командира кавалерии.

— Ну-ну, — сказал он насмешливым тоном, свойственным только военным, — не пугайтесь, граждане, мои солдаты не сделают ни одного выстрела, но зато и вы, со своей стороны, не сделаете ни одного шага к тюрьме.

— А знаете ли вы, господин офицер, что у нас есть мушкеты? — крикнул взбешенный командир гражданской милиции.

— Еще бы, я хорошо вижу, что у вас есть мушкеты, — ответил Тилли, — они все время мелькают у меня перед глазами; но заметьте также и вы, что у нас есть пистолеты, которые прекрасно бьют на пятьдесят шагов, а вы стоите только в двадцати пяти.

— Смерть предателям! — загорланили возмущенные буржуа.

— Ну, — проворчал офицер, — вы повторяете все одно и то же; это надоедает.

И он занял свой пост во главе отряда, в то время как смятение вокруг Бюйтенгофа все усиливалось.

И однако, возбужденные толпы не знали, что в тот самый момент, когда они чуяли кровь одной из своих жертв, другая жертва, словно спеша навстре-